

РАССЛЕДОВАНИЕ ВЕДЕТ ЖУРНАЛИСТ

В НОВЫЕ и вновь перечитываю эпизоды романа А. Фадеева «Молодая гвардия», в коих повествуется о предательницах Выриковой и Лядской. По Фадееву, эти девицы знали друг друга еще до войны, даже сидели за одной партией. Потом, во время оккупации Краснодона, встретились на базаре и очень быстро договорились, как им быть дальше. Так сказать, философией их договора была следующая сентенция автора романа: «Они не то, чтобы дружили, но были одинаково воспитаны в понимании своей выгоды, а такое воспитание не располагает к дружбе, — они просто понимали друг друга с полуслова, имели одинаковые интересы и извлекали обоюдную пользу из общения друг с другом. С детских лет они перенимали у своих родителей и у того круга, с которым общались их родители, то представление о мире, по которому все люди стремятся только к личной выгоде и целью и назначением человека в жизни является борьба за то, чтобы тебя не затерли, а наоборот, — ты преуспел бы за счет других».

По ходу заметим, читатель, что эта философия приспособленчества, из которой обязательно следует предательство, внедрена в сознание Лядской и Выриковой родителями, ну, а раз они такими были, значит окружение их родителей было не лучше. Во всяком случае, автор четко дает понять, что наша советская школа, сталинская педагогика не имели никакого отношения к воспитанию этих особ.

Дальше — больше. Вырикова и Лядская, живя в лагере, гуляют с немцами и полицией. И предаются, предаются молодоговардейцам... По скромным подсчетам Фадеева, на допросах в тюрьме в Краснодоне «каждая назвала десятка по два фамилий, которые довольно точно определили круг молодежи, связанной с «Молодой гвардией».

Заканчивается история их предательства так: «Вырикова и Лядская были выпущены из тюрьмы одновременно, каждая не зная, но предполагая, что другая тоже не вышла чистенькой. Им положено было жалование по двадцать три марки в месяц. Они сунули друг другу деревянные руки, как если бы между ними ничего не было.

— Дешево отделались, — сказала Вырикова. — Заходи как-нибудь.

— Уж правда, что дешево, как-нибудь зайду, — сказала Лядская.

И они разошлись».

В заключение этой части своего повествования считаю нужным обратить внимание на такую деталь: цитировал роман А. Фадеева по изданию 1975 года (издательство «Донбасс»). На второй стороне обложки надписи о том, что этой книжкой награждается моя дочь Козовская Наталья в связи с отличным окончанием первого класса. Дочь стала учительницей русского языка и литературы, и меня очень волнует, как на образах героев романа «Молодая гвардия», положительных и отрицательных, она будет воспитывать детей.

С ОБЫТИЯ, описанные в «Молодой гвардии», происходили в 1942 — начале 1943 года. И вот через сорок семь лет, 28 августа 1990 года, у меня на квартире состоялась встреча Зинаиды Алексеевны Выриковой и Ольги Александровны Лядской (о реабилитации О. А. Лядской наша газета писала в мае нынешнего года. — Ред.). Сказать, что мы с дочерью возобновили, готовя эту встречу, значит ничего не сказать. А уж о волнении двух пожилых женщин накануне встречи тем более писать трудно. Наглотались таблеток. Правда, все же принарядились. Первой пришла Зинаида Алексеевна, ее уже ждали, — брат Виктор Третьякевич Владимир Иосифович, Антонина Герасимовна Титова — подруга замечательного парня Анатолия Ковалева, загадку гибели которого она до сих пор пытается разгадать, правда, пока безуспешно. Разговор интересный, волнующий и все же предельно напряженный. Все ждут встречи Зинаиды Алексеевны с Ольгой Александровной. И вот звонок. Через несколько секунд они, пристально всматриваясь в глаза друг другу, молчат, потом протягивают друг другу руки, обнимаются...

Наверное, читатель в недоумении. Кто они, эти женщины, чтобы так подробно описывать их встречу. Поэтому спешу дать столь необходимые пояснения. О трагической судьбе Ольги Александровны Лядской я напечатал большой очерк «Она не предавала молодоговардейцев» в областной молодежной газете, писали о ней и «Комсомольское знамя», и «Труд», и «Литературная газета». Ольга Александровна Лядская, как известно, реабилитирована, ее уголовное дело «прекращено судом производством из-за отсутствия

в ее действиях состава преступления». Что же касается Зинаиды Алексеевны Симоненко (Выриковой), то здесь тоже не менее страшная (хотя и в ином варианте) история.

Когда я писал очерк об Ольге Александровне, естественно, спрашивал ее о Выриковой. Ответ был однозначным: — Я такой не знала ни до войны, ни во время войны, ни после.

А в многочисленных пособиях для учителей, где «Молодая гвардия» характеризуется как книга о молодежи и для молодежи, основанная якобы на действительных исторических событиях и в то же время озабоченная творческим воображением писателя, Вырикова в разделах, посвященных анализу типичней предателей, характеризуется как плод этого самого воображения. В музее «Молодой гвардии» экскурсовод то же самое говорила детям...

Среди откликов на очерк получаю такие, где говорится, что Вырикова существует, наконец, узнаю адрес (живет почти рядом, в Макеевке, даже домашний телефон есть). И вот первый телефонный звонок:

Зинаида ВЫРИКОВА. ЖИЗНЬ И СУДЬБА

(К ИСТОРИИ ЕЩЕ ОДНОГО ПЕРСОНАЖА РОМАНА
А. ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»)

— Здравствуйте, это я, та самая несуществующая Вырикова. Недавно сын приносит газету со статьей о Лядской и говорит: «Вот читай, тут пишут, что тебя нет, что ты плод фадеевского вымысла». Так вот — я есть. И не могу и не хочу больше молчать. Давайте встретимся.

Так состоялась встреча персонажей «Молодой гвардии». Их действительная встреча, а не та, вымышленная Фадеевым, со всеми роковыми последствиями для этих женщин.

ИЗ РАССКАЗА ЗИНАИДЫ АЛЕКСЕЕВНЫ СИМОНЕНКО (ВЫРИКОВОЙ).

Я родилась 14 августа 1923 года на руднике Шварц Ровеньковского района Ворошиловградской области. В 1924 году мои родители переехали в хутор Деревечко, а несколько позднее — в поселок Первомайка Краснодонского района. Здесь 21 июня 1941 года я получила аттестат об окончании средней школы № 4 имени Ворошилова, а на следующий день началась война, которая перевернула всю мою жизнь.

В сентябре 1941 года Краснодонский райком комсомола направил меня на работу в Первомайскую неполную среднюю школу старшей пионервожатой, а в декабре — в Ворошиловград, на курсы комсомольских работников. Курсы я окончила в марте 1942 года и меня сразу направили на работу в Сталинский обком комсомола инструктором. В июле этого же года я приехала к родителям в Краснодон, где и осталась на оккупированной территории.

Страшно писать, что случилось потом. В феврале 1943 года Краснодон освободила Красная Армия и меня арестовали. Началось следствие. Меня обвиняли в том, что я, комсомольский работник, была на оккупированной территории и не погибла. А раз так — значит выдавала молодоговардейцев. Никаких улик мне не предъявлялось. Лишь однажды была очная ставка с некоей Ниной Ковальской, она какое-то время сидела в полиции во время оккупации [по слухам, за уголовное преступление] с какими-то девушками. Девушки будто бы ей говорили, что были у меня дома и видели списки комсомольцев. Однако эти девушки у меня дома никогда не были и списков ни-

каких у меня не существовало. На следствии я так и говорила.

Потом меня вместе с другими арестованными в Краснодоне повели пешком на станцию Кондрашевская, там нас погрузили в товарные вагоны и отправили на Восток. Привезли в Бугульму, в тюрьму, которая находилась в бывшем монастыре. В камере нас было человек 50 и никому до меня не было дела. Когда начали печатать главы романа Фадеева «Молодая гвардия», обо мне вспомнили. Посадили в самолет и отправили в Казань. Здесь я сидела во внутренней тюрьме. Меня вызывал на допрос нарком внутренних дел Татарии Габедов и неизменно задавал один и тот же вопрос: «Говори, кого предавала!» Я отвечала, что никого.

Потом меня отправили в Ворошиловград. Опять допросы: «Говори, кого предавала!» Затем новый этап — на этот раз в Карагандинский лагерь, где я работала на копке арыков. В сентябре 1944 года я была снова этапирована в Ворошиловград, где следователь Гусев продиктовал расписку, что я никогда никому не буду рассказывать о методах ведения следствия, и в октябре, то есть через год и девять месяцев,

ее слова). Она ждала стука в дверь. Ведь в справке, выданной ей при освобождении, не было сказано, что она в чем-то виновна, но не было сказано, что и не виновата.

Сменив фамилию, она до 1953 года не работала, не хотела, а точнее, боялась родить ребенка. И лишь однажды, будучи уже матерью, испытывая тревогу за сына, решила написать Александру Фадееву письмо. Наивная, она умоляла, чтобы писатель опроверг самого себя, признав, что все написанное о похождениях Выриковой вместе с неизвестной ей Лядской, мягко говоря, неправда. Ответом было молчание.

Что дальше? Пожалуй, что и у всех. Работала, заочно окончила техникум общественного питания, последние десять лет до пенсии заведовала столовой. Похоронила мужа, вырастила сына, радуется успехам уже взрослых внука и внучки.

За последние годы перенесла два инсульта и инфаркт...

А теперь не о З. А. Выриковой, а о тех, кто обесчестил ее жизнь, кто купался в лучах славы романа Фадеева и сам эту славу приумножал. Александр Фадеев знал, что есть такая Вырикова, знал, что следствие не установило ее вины, знал, что она не была судима. Наверное, его подвело богатство творческого воображения. Ну, ладно, бывает и такое. Что сделал бы в этой ситуации порядочный человек? Как это ни трудно, постарался бы исправить свою ошибку, помог бы глубоко страдающему человеку, по его вине несущему страшное клеймо предательницы молодоговардейцев, прощения бы попросил. Но этого не случилось...

А тем из молодоговардейцев, кто остался в живых и знал, хорошо знал, какие страдания выпали на долю З. А. Выриковой и О. А. Лядской, им, причастным к подвигу, разве позволительно молчать о горе ближнего? Уж кто-кто, а они-то знают, как война и круто замешанная на сталинщине ее интерпретация искалечила жизни ни в чем не повинных людей.

А те, кто писал и пишет диссертации, книги и статьи о романе (им, право же, несть числа), кто, шурша страницами этого очень своеобразного произведения, манипулирует абзацами, строчками и даже отдельными словами из него, вещая на всю страну о самом святом — патриотизме, правде и справедливости, — разве не должны были они по долгу совести принять участие в судьбе обогнанных людей?

Передо мной книга В. Боборыкина «Александр Фадеев. Писательская судьба» (М. «Советский писатель». 1989). Умудренный литературовед-фадеевец, естественно, не может обойти вниманием образы Выриковой и Лядской. Однако на чем фокусирует он свое внимание, к чему нас, неискушенных читателей, подталкивает?

«Помимо Стаховича, — пишет В. Боборыкин, — виновниками разгрома «Молодой гвардии» изображены в романе Вырикова и Лядская. Это, в сущности, тоже лишь литературные персонажи, которые несколько не похожи на реальных лиц, хотя, к горькому сожалению, и сохранены их имена».

Далее, приведя путанные и далекие от правды сведения о подлинных Выриковой и Лядской, автор все свое внимание сосредоточил на них же, как на литературных персонажах. Отметив, что все написанное о них Фадеевым — правда, он настойчиво проводит следующую мысль: «Обе эти девицы — явление менее опасное, чем Стахович, зато гораздо более распространенное».

Не кощунственно ли? ИСТОРИЯ «Молодой гвардии» в фадеевском варианте — кровоточащая рана, которая напоминает нам не только о прошлом. Она вызывает к нашей совести сегодня, сейчас. Жизнь и судьба Зинаиды Алексеевны Выриковой вполне достаточное подтверждение тому.

Ю. КОЗОВСКИЙ.
Доцент кафедры философии Луганского педагогического института имени Т. Г. Шевченко.

О ТОМ, как Зинаида Алексеевна жила дальше, — тема особая. И все же о некоторых моментах этого периода хотелось бы рассказать, хотя бы очень кратко.

Слава романа «Молодая гвардия» росла не по дням, а по часам, перешагнув границы СССР. Многомиллионные тиражи на языках народов страны и народов мира. Ежегодно миллионы школьников под руководством учителей восхищались героями-молодогвардейцами и клеймили вечным позором их предателей. А как же она, Вырикова? Молчала, ежедневно, испытывая не чувство страха, а ужаса (это

ВОСКРЕСНЫЙ
ВЫПУСК

7 октября
1990 года

7

КОМСОМОЛЬСКОЕ
ЗНАМЯ

Фадеев В. Н.

4.10.90